

Къ русскимъ за рубежомъ.

Открыть очередной сборъ на помощь студенту въ наступающемъ 1933-1934 учебномъ году. Годъ предстоить исключительно тяжелый. Затяжной кризисъ и безработица продолжаются, въ связи съ чѣмъ поступления въ кассу Центрального Комитета неизбѣжно падаютъ. Студенчество же лишено возможности притти себѣ само на помощь, ибо для него безработица углубляется и отказомъ въ правѣ на работу. Положеніе создается почти безысходное, выходъ только въ жертвенности лучшихъ русскихъ людей. Какъ ни тяжка наша и матеріальная, и политическая обстановка, но намъ нельзя допустить пріостановки дѣла подготовки новыхъ русскихъ культурныхъ силъ. Нашей смѣнѣ, русской молодежи, мы всѣ должны во что бы то ни стало помочь въ ихъ жертвенномъ, почти героическомъ стремленіи къ высшему образованію. Получившихъ подписные листы по сбору я усердно прошу и лично жертвовать все, что они могутъ, на это нужное дѣло, и взять на себя, не откладывая, непріятный трудъ убѣждать всѣхъ въ своемъ окруженіи внести на него свою лепту. Не получившихъ листовъ и готовыхъ жертвенно помочь мнѣ въ сборѣ прошу принять участіе въ сборѣ.

Особенно прошу и лично шире жертвовать и собирать средства на помощь бѣдствующимъ сейчасъ своимъ младшимъ

коллегамъ - студентамъ всѣхъ прежнихъ стипендіатовъ Центрального Комитета, а также и всѣхъ пользовавшихся постороннею помощью для окончанія своего курса ученія, откуда бы эта помощь ни исходила. Идущая имъ вслѣдъ русская молодежь такъ же страстно, какъ и они, желаетъ получить высшее образованіе и подготовиться къ будущему, болѣе достойному служенію Россіи. Кому же и помогать ей въ первую голову, какъ не тѣмъ, кто это съ чужою помощью уже осуществилъ?

Помогать Центральному Комитету надо притомъ неотложно. Близится начало занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Просьбы въ Центральный Комитетъ поступаютъ ежедневно. Вынужденный, за отсутствіемъ средствъ, отказъ Центрального Комитета обычно и рѣшаетъ судьбу юноши, нерѣдко находящагося уже на послѣднемъ курсѣ и вынужденнаго все-таки прекратить ученіе за отсутствіемъ средствъ изъ-за безработицы своей или своихъ близкихъ. Помогите всѣ Центральному Комитету выполнить принятую имъ на себя нелегкую задачу, откликнитесь на мой призывъ.

Предсѣдатель Центрального Комитета

Михаиль Федоровъ.

Bd St Michel, 79, Paris (5).

О послѣднемъ довѣріи. (Второй діалогъ) *).

1-ый вѣрующій. — Послѣ нашей бесѣ-

*) Первый діалогъ: «Прославляй Бога за все» выходитъ въ отдѣльномъ изданіи того же названія.

ды встрѣтилъ я одного невѣрующаго и пересказалъ ему твои слова. Онъ меня сразу же поставилъ въ тупикъ. Онъ сказалъ: «Вопросъ цѣлесообразности земныхъ страданій можетъ понять и невѣрующій

человѣкъ по чисто земнымъ соображеніямъ (напримѣръ, воинствующій матеріализмъ признаетъ цѣлесообразность «классоваго страданія» ради «будущей соціальной гармоніи»); достиженіе всякой земной цѣнности связано съ трудомъ - страданіемъ, и т. д.), но чему невѣрующій человѣкъ никогда не повѣритъ, это «мукѣ вѣчной», о которой говоритъ Евангеліе. **Какъ смогу я радоваться и блаженствовать въ раю, — сказалъ онъ, — если буду знать, что рядомъ, гдѣ-то есть адъ, гдѣ мучаются грѣшники. Я не приму такого рая».** Эти слова поставили меня въ тупикъ. Я не зналъ, что отвѣтить ему.

2-ой вѣрующій. — Я выразилъ тебѣ уже мою сокровеннѣйшую мысль и мое непоколебимѣйшее убѣжденіе, что **Царство Небесное** встрѣтитъ въ этомъ и въ будущемъ мірѣ лишь тотъ, кто знаетъ **причины славы Бога за все**, т. е. не ставитъ прославленія Имени Господня въ зависимость отъ какихъ бы то ни было своихъ маленькихъ человѣческихъ мыслей и чувствъ. Это и есть **богоусыновленіе** человѣка. Люди славятъ Бога безъ условій. Понимаешь — **безусловно**. Въ этомъ **существо христіанской вѣры**, какъ **всепоглощающаго довѣрія Богу**. Я только такую вѣру и могу принять. Только такая вѣра достойна Того, кто сотворилъ человѣка, только такая вѣра и достойна самого названія — «вѣры».

Повѣрь мнѣ, то, что тебѣ говорилъ твой собесѣдникъ - атеистъ, это все одна риторика. Я увѣренъ, что твой собесѣдникъ, когда говорилъ это, не плакалъ, а между тѣмъ, по своей теоріи, онъ долженъ былъ рыдать, ибо тысячи и тысячи людей страдали въ эту минуту недалеко отъ него. Почему онъ думаетъ, что въ раю онъ вель бы себя иначе? Неужели онъ никогда въ жизни не смѣется, не радуется? Несомнѣнно, его состраданіе есть

совершенно нежизненная для него теорія. Онъ не знаетъ того, что говорить.

1-ый вѣрующій. — Въ отношеніи его это, пожалуй, и такъ. Онъ честный человѣкъ, но его нельзя назвать «далекимъ отъ земныхъ радостей». Его состраданіе, дѣйствительно, немного риторично. Но святые, но люди чуткіе, прозорливые, отдавшіеся Богу, вѣдь они же видятъ несоотвѣтствіе судебъ человѣческихъ въ мірѣ, — они же будутъ его видѣть и тамъ? Какъ смогутъ они блаженствовать? И если смогутъ, въ чемъ ихъ святость тогда?

2-ой вѣрующій. — Всѣ люди, имѣвшіе **опытъ** подлинной духовной жизни, знали и знаютъ, что благодатное утѣшеніе Господне, приходящее къ душѣ человѣческой, до такой степени перерождаетъ психику человѣческую, что человѣкъ вырастаетъ изъ всѣхъ разсужденій этой земли, изъ всѣхъ ея психологій. Онъ рождается въ мірѣ новыхъ откровеній, отношеній, оцѣнокъ, гдѣ все Господне: **воля Господня, любовь Господня, правда Господня, святость Господня, миръ Господень** — ничего нѣтъ «своего».

Надѣта брачная одежда, не одинъ рукавъ ея, но вся она надѣта. И все до такой степени въ Господѣ, и Господь во всемъ, что **внѣ Господа и внѣ любви къ Нему**, — метафизически — ничего нѣтъ. Здѣсь не уничтоженіе личности человѣка, но полное ея претвореніе, сожженіе всей ея самости. Такъ уголь теряетъ свою черную самость, проникаясь пламенемъ.

Любовь къ Богу отъ всего разума, всей воли и всего сердца потому заповѣдана, какъ первая заповѣдь для человѣка, что эта любовь есть **истина всего новаго міра**. Евангеліе же есть откровеніе этой истины въ мірѣ, запечатлѣніе ея въ **человѣчскомъ сердцѣ**. И, кто знаетъ, что Евангеліе есть истина болѣе совершенная, чѣмъ самыя высшія человѣческія разсужденія,

чѣмъ самая высшій моральныя оцѣнки чловѣка, тотъ повѣритъ всѣмъ словамъ Евангелія и отодвинетъ въ сторону свою собственную мудрость.

«Возненавидѣть отца и мать» — идя къ Христу, это совсѣмъ не значитъ возненавидѣть чловѣка, черезъ котораго мы родились въ свѣтъ. Возненавидѣть своихъ близкихъ — по Евангелію это значитъ возненавидѣть **всю свою плотскую жизнь**, всѣ идеалы своего сердца, явно или тайно противопоставляемые Богу; все свое плотское мудрованіе, свою плотскую любовь. Это значитъ — задыхаться, задвигаться въ иномъ мірѣ, въ мірѣ «ума Христова», духа Христова.

Этотъ новый міръ построенъ всецѣло на любви къ Богу, на любви ко всему — въ Богѣ. «**Все**» есть непрестающій поводъ возлюбіенія Бога. Въ этомъ новомъ мірѣ совершенно невозможны, не мыслимы такія разсужденія, какъ: «я не могу радоваться, если буду знать, что гдѣ-то (поистинѣ слова чловѣческаго пространства) мучаются грѣшники», или: «я не хочу принять рай, если туда не войдетъ тотъ или другой чловѣкъ». Подобныя разсужденія плоть отъ плоти и кость отъ кости ветхаго, непреображеннаго чловѣка, горделиваго своей **независимой отъ Бога** любовью, своей надмѣвающейся надъ Евангеліемъ правдой. Для познанія тайнъ и законовъ Небеснаго міра, весь этотъ ветхій міръ, весь этотъ ветхій чловѣкъ должны быть **распяты**. Ибо только это крестное распятіе, умерщвленіе себя въ Богѣ (не только пороковъ своихъ, но и **всей своей добродѣтели**) — есть очищеніе.

Страшная дѣйствительность представляется нашимъ глазамъ: съ одной стороны, мы видимъ безчисленное множество людей преобразенныхъ, сіяющихъ въ нетлѣнной красотѣ Духа, исполненныхъ великой любовью къ Богу и чловѣку, и ни-

когда не говорящихъ и даже не помышляющихъ: «я отказываюсь отъ рая, если тамъ не будетъ того, кого я люблю», или: «я не могу радоваться, если рядомъ со мной будетъ адъ»... А съ другой стороны мы видимъ такое же множество людей злыхъ, неблагодарныхъ, эгоистическихъ, безлюбивыхъ, немолитвенныхъ, плотскихъ, котор.выказываютъ высоту своихъ чувствъ, **превозносятся** надъ любовью Божіей, надъ правдой Евангельской, издѣваются надъ спасеніемъ чловѣческимъ: «я отказываюсь отъ рая»... «я не могу радоваться». И такъ разсуждаетъ чловѣкъ, спокойно «радующійся» многими плотскими радостями посреди великихъ земныхъ страданій чловѣчества. Какая непослѣдовательность, ускользящая отъ его собственного взора!

Всякій, пробудившійся къ молитвенной радости, знаетъ, что эта радость небеснаго міра **совершенно независима отъ земныхъ мыслей чловѣческихъ**, что она **восхищаетъ** всего чловѣка, не только изъ міра чловѣческихъ страданій, но и изъ міра чловѣческихъ разсужденій.

Спасеніе изъ геенны совсѣмъ не означаетъ спасенія изъ физическаго мѣста геенны, но означаетъ спасеніе изъ всего круга мыслей и чувствъ, порожденныхъ геенною и **порождающихъ геену**. Спасеніе изъ низшаго міра есть отложеніе всякаго метафизически — «житейскаго попеченія».

Когда мы говоримъ: «я не хочу быть въ раю, если тамъ не будетъ такого-то или такой-то», мы высказываемъ чистѣйшее «житейское попеченіе» о спасеніи даннаго чловѣка. Если мы говоримъ: «я не могу радоваться въ раю», мы опять высказываемъ настоящее «житейское попеченіе» о своей радости. Мы пресмыкаемся по землѣ, мы не понимаемъ, кто мы, и **Кто Господь**. Мы вторгаемся въ небесный міръ, въ небесный судъ, со своей добродѣтелю, съ

той любовью, которой не имѣемъ даже на землѣ. Это наше вторженіе въ небесный міръ, есть, дѣйствительно, слѣпота наша. Болѣе скажу: **окаянство** наше.

Человѣкъ грѣха ненавидитъ судъ Божій, ненавидитъ правду Творца, справедливость Отца Небеснаго. Онъ знаетъ, что эта правда его судить, его обличаетъ, и подъ видомъ высоты своей любви онъ поносить, порочить правду евангельскую; невѣломую даже ангеламъ.

Человѣкъ покорности Богу — другой человѣкъ. Онъ, въ прахъ склоненный передъ тайнами Божиими, открытыми въ Евангеліи, весь сгораетъ въ Богѣ, въ серафимовомъ пламени покорности и любви къ Отцу свѣтовъ (не какого-нибудь одного свѣта, но всѣхъ свѣтовъ, всѣхъ справедливостей, всей любви). Этотъ человѣкъ подлинно евангельски готовъ возненавидѣть святымъ отверженіемъ не только самого себя, но и всѣхъ «близкихъ своихъ» — всѣ близкія мысли и чувства свои, которыя только подойдутъ къ нему, какъ жена Іова, и скажутъ: «Ты уже твердь въ непорочности (цѣльности вѣры) своей... похули Бога и умри... «Ты гово-

ришь какъ одна изъ безумныхъ», отвѣтилъ такой человѣкъ своей женѣ, своей душѣ, «неужели доброе мы будемъ принимать отъ Бога, а злого не будемъ?»

Пусть никогда никакой христіанинъ ни однимъ помысломъ не сопоставляетъ свою правду съ Божіей, открытой въ Евангеліи. Это сопоставленіе есть безуміе, есть гордость, есть жестоковѣйность.

Если непонятны человѣку нѣкоторыя истины и откровенія, пусть не отрицаетъ онъ ихъ. Если непонятны «вторая смерть» (Откр. 20, 14), пусть не отрицаетъ второй смерти, иначе онъ сдѣлается ея причастникомъ. «Если кто отниметъ что отъ книги пророчества сего, у того отниметъ Богъ участіе въ книгѣ жизни и въ святомъ градѣ, и въ томъ, что написано въ книгѣ сей» (Откр. 22, 19). Величайшая святыня — слово Божіе. Изъ устъ Его — исходитъ мечъ (Откр. 1, 16), пронзающій всѣ вѣка и всѣ души. Да будетъ благословенно имя Господне, имя Единаго Благословеннаго вѣвѣки.

Иеромонахъ Іоаннъ.

Берлинъ.

Смерть Жуковскаго.

(Изъ книги Л. Кобылинскаго - Элліса: «В. А. Жуковскій, его личность, его жизнь и творчество»).

При разсмотрѣніи жизненнаго эпилога и смерти Жуковскаго передъ нами встаетъ цѣлая трагедія, и становится яснымъ, почему умирающій христіанинъ Жуковскій имѣетъ еще больше правъ на званіе «мистика и учителя», чѣмъ Жуковскій-человѣкъ и писатель.

На немъ проявилась тайна мистической смерти, состоящей въ отмираніи физическаго тѣла, какъ орудія души, при повы-

шеніи жизни самой души, ибо сознаніе умирающаго въ извѣстной степени освободилось уже отъ своего физическаго и органическаго покрова.

Рѣдко возвышенное впечатлѣніе производитъ состояніе больного, медленно умирающаго 69-тилѣтняго, совершенно ослѣпшаго старика, тѣло котораго лежитъ безсильно и беспомощно распластанное отъ ревматизма, падагры и душевныхъ